

Юлия Щербина*

Значение революции в творчестве Фёдора Достоевского: на примере романов *Братья Карамазовы* и *Бесы*

«Всеобщая вера в революцию
есть уже начало революции.»
В.И. Ленин

«Революция, кроме конца любви, ни к чему не приводила...»

Как Достоевский относился к революции? Как он понимал ее и принимал ли? Вот вопросы, которые мы задаем себе при исследовании произведений Достоевского. То, что революция – значимая для Достоевского проблема, сомнению не подлежит – вновь пересказывать трагическое значение его собственной революционной деятельности здесь не станем. Но в своем творчестве Достоевский обращается к этой проблеме снова и снова, каждый раз рисуя ее в новой форме. Вот она предстает нам как духовное¹ событие – бунт против Бога у Ивана Карамазова, бунт против отца у Мити, бунт против навязанных социальных ролей у Раскольникова. Это предельно широкая интерпретация революции, т.е. «глубокого качественного изменения в развитии»², некоторого переворота в мировоззрении, сознании или обществе. Изменение оказывается не просто глубинным, но даже фатальным: Иван в своем отрицании Бога лишается рассудка, Митя в свирепом и отчаянном желании справедливости – свободы, Раскольников переживает совершенную метаморфозу прежних взглядов, отправляясь на каторгу.

А вот революция описывается как социальное событие, влияющее на многих и многих людей, потому что революция, прежде всего, затрагивает людей, каждого в отдельности и в совокупности – и мы видим, как разворачиваются трагические события романа *Бесы*. К сожалению, фраза «качественные изменения» не всегда

* Аспирант Школы философии факультета гуманитарных наук при Национальном исследовательском университете «Высшая Школа Экономики», стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ.

¹ Термин «духовное» в этой статье используется в широком смысле, включающем как интеллектуальные и психологические аспекты, так и аспекты, связанные с религией и религиозностью.

² Красин Ю.Л. Революция // Философский энциклопедический словарь. 1983. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3184/РЕВОЛЮЦИЯ. Последнее посещение 22.05.2017.

подразумевает достижение блага. У Достоевского, скорее, даже наоборот – недаром его сравнивали с Данте: он проводит своих героев через ад и страдание, через препятствия, муки выбора и тяжелого размышления, через апокалиптические сны – и для него это самые верные признаки революций. В конце концов, никакого «хэппи-энда». Реальность сурова, а Достоевский, будучи «реалистом в высшем смысле», не может описывать революцию как-то иначе. Революция приводит к кровопролитию и загубленным жизням, революция приводит к страданию и болезненным идеям. Так, относительно революционной группы Нечаева Достоевский был уверен, что это «именно был случай заблудшей совести, дошедшей «до такого ужаса», как только человек – вместо Бога и идеала – «насоздаст себе идолов» – идеями или практическими действиями и поступками»³.

Для Достоевского революция стала выразителем того события, когда идея оказывается способной настолько поглотить человека, что у того сбиваются все прежние ориентиры. Ради цели все средства хороши, а убийство – лишь *почти магическое* связывание друг друга кровью. Так, один из сторонников Нечаева, А. Кузнецов, утверждал: «... для совершения террористического акта над Ивановым не было никаких серьезных оснований, этот акт нужен был Нечаеву для того, чтобы крепче спаять нас кровью»⁴. Именно с этой целью Верховенский в *Бесах* призывает пятерку своих приспешников убить Шатова. На тот момент в его убийстве нет никакой острой необходимости, что понимают даже члены пятерки. Шатов не представляет опасности, ведь к нему вернулась жена и родился ребенок. Однако пятерку необходимо слить, соединить воедино таким образом, чтобы они никогда уже не смогли покинуть организацию и предать главного беса, т.е. самого Верховенского. Убийство и пролитая кровь должны не только юридически обезопасить Верховенского, но и породить определенную мистическую сплоченность пятерки, поскольку лишение жизни человека – наиболее радикальный шаг в отвержении христианства, нарушение главной заповеди⁵. Тем не менее, именно этот шаг оказывается последней каплей: есть вещи, которые даже самые отчаянные подлецы не в силах перенести. В *Бесах* убийство Шатова оказывается непосильной ношей для тех, кто его совершил. Это показывает, что в революции все оказывается позволено. Но не всегда, далеко не всегда, человек, охваченный столь мощной идеей, в состоянии до конца пронести ее тяжесть – происходит слом, тотальный и грубый, словно жесткий сапог топчет выбившийся из-под асфальта цветок. Этот слом у Достоевского происходит и во время духовной, и во время социальной революции, которые оказываются тесно переплетены друг с другом.

Конечно, Достоевский не стал свидетелем революции 1917 года. Но, как отмечают многие мыслители, он смог предвидеть революционные события и то, что в них испытает русский человек: «... главные сочинения Федора Михайловича

³ Пономарева Г.Б. Достоевский: я занимаюсь этой тайной. М., 2001. С. 174.

⁴ Там же. С. 175.

⁵ Иудаизма тоже (6-я заповедь) – прим. ред.

Достоевского – не просто великая литература и яркая публицистика, они – наше национальное священное писание, а их автор – наш национальный пророк. Не в том смысле, что он создатель какой-то новой религии (хотя так думали Рильке и Шпенглер), и не в том, что все предсказания сбылись (сбылось только то, чего он больше всего боялся, а надежды и упования пошли прахом), а в том, что он с наибольшей полнотой и ясностью выразил в своих творениях сущность русского самосознания»⁶. Однако, по меткому замечанию В.К. Кантора, пророк – «это не предсказатель будущего, как полагает обыденное сознание, а посланник Бога, обличающий свой народ за несправедную жизнь»⁷. В своих произведениях Достоевский не столько предсказатель, сколько тот, кто обличает народ, раскрывает неприглядные стороны его жизни. В конце концов, Достоевский не показывает нам героев – все его персонажи метафизически искалечены: «у Достоевского во всех романах приливы жалости и муки страсти, но нет ни одного образа целостной благодатной любви»⁸. По мнению чешского философа Т.Г. Масарика, Достоевский вовсе не был способен показать светлого, по-настоящему верующего персонажа: попыткой изображения такого характера стал князь Мышкин, но и тот словно бы не удался⁹.

На наш взгляд, к изображению революций Достоевским наиболее подходит его собственное определение: «... мой Пётр Верховенский может несколько не походить на Нечаева, но мне кажется, что в пораженном уме моем создалось воображением то лицо, тот тип, который соответствует этому злодейству»¹⁰. Достоевский не столько предвещает драматические события, сколько предлагает читателю разные типы людей, поведения, событий, а в итоге выводит некоторую общую линию того, как революция осуществляется в жизни одного человека и в жизни общества. Именно это – демонстрация революции в жизни одного конкретного человека и революции в жизни всего общества – и позволяет нам говорить о двух типах революции в творчестве Достоевского.

«- Это бунт, – тихо и потупившись проговорил Алёша.
- Бунт? ... Можно ли жить бунтом, а я хочу жить»

Духовная метаморфоза и ее последствия – красная нить повествования Достоевского об Иване Карамазове. Иван предстает перед читателем как персонаж, охваченный вопросами – вопросами, которые способны перевернуть все его суще-

⁶ Сергеев С. Наш национальный пророк // Фёдор Достоевский. Что есть Россия: дневники писателя. М., 2014. С. 6-7.

⁷ Кантор В.К. Достоевский как ветхозаветный пророк // Слово/Word. 2010. № 65. <http://magazines.russ.ru/slovo/2010/65/ka13.html>. Последнее посещение: 22.05.2017.

⁸ Степун Ф. Письма. М., 2013. С. 413.

⁹ Масарик Т.Г. Россия и Европа. 3 тт. М., 2003-2004. Т. 3. С. 293.

¹⁰ Достоевский Ф.М. Письма. М., Берлин, 2013. С. 99.

ство. С ответами же на эти вопросы Иван не способен смириться в полной мере – и в этом его трагедия: «трагедия Ивана состоит не в том, что он приходит к выводам, отрицающим нравственность; мало ли людей, для которых теоретическое "все позволено" является только удобной вывеской для практической безнравственности; она состоит в том, что с таким выводом не может помириться его сердце "высшее, способное такой мукой мучиться", как охарактеризовал его старец»¹¹. Другими словами ситуацию Ивана описывает Я. Голосовкер, проводя параллель между произведением Достоевского и учением Канта: Иван становится приверженцем кантовского антитезиса – чего-то негативного, где все позволено, а Бога и бессмертия нет, но в то же время (и в этом заключается его трагедия) он не способен принять эту вседозволенность и стремится к тому, чтобы поступать в рамках тезиса, т.е. чего-то позитивного¹². «Конфликт между тезисом и антитезисом – это необходимый конфликт человеческого разума, который стремится к безусловному и, когда в экспериментальной чередке, он пытается приблизиться к конечным состояниям, которые ограничивают эмпирический синтез а priori, он [разум] сталкивается с четырьмя фундаментальными проблемами»¹³. Если для Канта эти фундаментальные проблемы – свобода воли, бессмертие, существование Бога – лишь иллюзия и ловушка, в которую попадает разум, для Достоевского они – подлинная человеческая трагедия, поскольку разум мучается вопросами, которые не могут быть разрешены; мучается, поскольку они касаются не теории и границ познания, а собственно человеческой жизни.

Бунт Ивана – это бунт против Бога, против несправедливости наказания и страдания. Иван не понимает, как Бога можно оправдать, если страдают ни в чем не повинные дети и мир орошается их слезами: «для чего познавать это *чертово* добро и зло, когда это столько стоит? Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребеночка к "боженьке". Я не говорю про страдания больших, те яблоко съели, и черт с ними, и пусть бы их всех черт взял, но эти, эти!»¹⁴. Иван мучается непониманием – как возможно, что мир устроен именно так, а не иначе? Как возможно жить по такому устройству, как возможно согласиться с тем, что «страдание есть, а виновных нет»? Да и предлагаемая схема возмездия – наличие ада и того, что виновные будут мучиться после смерти – тоже не устраивает его: «но зачем мне их отмщение, зачем мне ад для мучителей, что тут ад может поправить, когда те *уже* замучены? И какая же гармония, если ад: я простить хочу и обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше»¹⁵. Эта фраза Ивана еще раз подчеркивает острое противоречие в его душе: в своей повести о Великом инквизиторе он заключает, что все позволено, что ложь, а не истина – необходимая

¹¹ Булгаков С. Иван Карамазов как философский тип // Вехи. 1901. <http://www.vehi.net/bulgakov/karamaz.html>. Последнее посещение 22.05.2017.

¹² Голосовкер Я. Достоевский и Кант // Имагинативный абсолют. М., 2012.

¹³ Patocka J. On Masaryk's Philosophy of Religion // The New Yearbook of Phenomenology and Phenomenological Philosophy. 2015. Vol. 14. P. 111. (Перевод мой.)

¹⁴ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М., С. 301.

¹⁵ Там же. С. 304.

часть религии, что на самом деле Бога не существует вовсе. Но в то же время он словно по-прежнему не может смириться с собственными заключениями, потому что они противны его душе. Разум принимает антитезис, сердце стремится к тезису.

Алёша называет бунтом то, что Иван признает Бога, но «только билет ему почтительнейше возвращает». Мы же называем это духовной революцией – именно в этот момент ярко выражается метаморфоза размышлений и личности Ивана, которая впоследствии и под влиянием дальнейших событий ожесточает его болезнь. Размышления о мироустройстве, Боге, несправедливости его (в то время как он *должен быть* благостен и милостив, полон любви к миру и своим созданиям, что ярко демонстрирует всем своим характером и мировоззрением Алёша), детских слезах и страданиях – все это приводит Ивана к своеобразной духовной революции, которая словно снежный ком затрагивает его самого и тех, кому он дорог.

Совсем другой тип революции, изображенной Достоевским, предстает нам в романе *Бесы*. Это тоже своего рода бунт. Однако он выражен уже не только в личном, но и в социальном плане.

«...в нём загорелась мечта: примкнуть к движению и показать свои силы»

В романе *Бесы* Достоевский «предсказал большевизм»¹⁶. Этот роман писался задолго до революции 1917 года, однако Достоевский стремился изобразить не столько конкретные происшествия, сколько некоторый тип человека и событий. Пожалуй, именно это изображение типа, т.е. общей формы, некоего отпечатка, образца и позволило писателю прозреть трагические события 1917 года. Как отмечает Ф. Степун, *Бесы* стали результатом раздумий Достоевского о «метафизических основах большевизма»¹⁷.

Достоевский задумывал роман как памфлет, отражавший социально-общественные события, происходившие в то время в России. Взволнованный разворачивавшимся делом Нечаева, Достоевский опасался, что Россию, как и тогдашнюю Европу, затронет волна атеизма и социализма. Тема борьбы православия и атеизма, веры и просвещенного рационализма вообще являлась значимой для писателя, в *Бесах* же она приобретает острый полемический характер: «из всех современников только он один [Достоевский] в бунтарских идеях Тка-

¹⁶ Кантор. Достоевский как ветхозаветный пророк.

¹⁷ Степун Ф. *Бесы* и большевистская революция // Vehi.ru. 1991. <http://www.vehi.net/dostoevsky/stepun.html>. Последнее посещение 22.05.2017.

чева-Нечаева уловил сущность коммунистического рационализма и большевистского безумия»¹⁸.

Почему безумия? В романе Достоевский вводит несколько видов «бесов»: рангом повыше (например, Ставрогин) и пониже (Верховенский-младший). Он показывает не только некоторую борьбу этих разноранговых бесов, но и их деятельность по отношению ко всему обществу. Чего только стоит Петр Верховенский, который следит за окружающими и ведет себя плутовски, просачивается в доверие и при этом его наружность не вызывает никакой симпатии: «Это был молодой человек лет двадцати семи или около, немного повыше среднего роста, с жидкими белокурыми, довольно длинными волосами и с клочковатыми, едва обозначавшимися усами и бородкой. Одетый чисто и даже по моде, но не щегольски; как будто с первого взгляда сутуловатый и мешковатый, но однако ж совсем не сутуловатый и даже развязный. Как будто какой-то чудака, и однако же все у нас находили потом его манеры весьма приличными, а разговор всегда идущим к делу. Никто не скажет, что он дурен собой, но *лицо его никому не нравится*»¹⁹. Верховенский в некотором смысле напоминает шута²⁰, но только в том его мистическом аспекте, когда развязное и нетривиальное поведение его становится непредсказуемым настолько, что подчиняет волю других людей (как, например, в случае с Лебядкиным)²¹. Схожести персонажей с реальными действующими в революционной парадигме личностями отмечают многие исследователи: так, Ставрогина сравнивают с Бакуниным, Верховенского – с Нечаевым²². Но главный пророческий пафос Достоевского не в схожестях, которые могут быть опровергнуты, а в главном: писатель четко демонстрирует центральный момент большевизма, который для русской культуры может быть губительным. Этим центральным моментом является «богоборческая природа зарождающейся большевистской революции»²³. Как мы знаем, Достоевский тонко чув-

¹⁸ Там же.

¹⁹ Достоевский Ф.М. Бесы. М., 2008. С. 92.

²⁰ Относительно ассоциации Верховенского с шутком интересна не только историко-политическая сторона, при которой шут – тот, кто находится рядом с королем и способен указывать и высмеивать его действия, т.е. показывать правду и одновременно веселить окружающих, но и мистический аспект, прослеживающийся в традиции гадальных карт Таро. В них Шут – это нулевой аркан, чистый лист, полный идей, логика его действий никогда никому до конца непонятна, он словно бы действует вне логики, нарушая существующие законы и пренебрегая запретами. Его действия невозможно угадать, одновременно с этим он всегда различен, т.е. носит разные личины, выбирает их. Вспомним, как Верховенский говорит Ставрогину: я выбрал носить свое лицо, это я настоящий, хотя дурачком прикинуться было бы проще.

²¹ Верховенский вообще – противоречие и амбивалентность. Он «тараторит», «трещит», говорит быстро, словно бы сбивается, но при этом излагает все четко, ясно; мысль, которую он хочет донести становится всем понятной. При некоторой кажущейся неуклюжести и торопливости он одним взглядом, одной фразой может заставить человека оробеть, как в случае с Лебядкиным в гостиной Варвары Петровны; он легко входит в доверие и манипулирует людьми, что, например, случилось с губернаторшей.

²² Схожесть, например, состоит в том, что оба настаивали на убийстве студента, а после совершенного каким-то образом улизнули за границу.

²³ Степун. *Бесы* и большевистская революция.

ствовал потребность русского народа в религии и Боге. Он всю жизнь мучился вопросом о том, существует ли Бог²⁴ и передал это вопрошание персонажам своих романов. Как показывает Достоевский, вера в существование Бога и бессмертие души является тем основанием, на котором держится мораль. Без Бога и веры в бессмертие ничто не сдерживает человека в его поступках. Представляется возможным, что именно атеизм и сомнение в существовании Бога (а у некоторых – уверенность, что Бога не существует) и приводят их к смерти: самоубийству или убийству.

В романе богоборчество выражается не только как отрицание Бога или попытки найти его при отсутствии самой веры («Я буду верить в Бога», как говорит Шатов). Достоевский изображает весь ужас возможного существования русского человека без Бога – легкими штрихами, порой едва заметными в тексте фразами. Так, например, слова Ставрогина «я детей не трогал» в разговоре с Шатовым о своей деятельности в Петербурге могут быть пропущены за невнимательностью, но подтекст подразумевает, что другие-то детей трогали²⁵. Таких примеров масса: мышь, подкинута под икону; безобразные выходки на вечере губернаторши; в конце концов, рассуждения о том, стоит или не стоит убивать Шатова из-за того, что он может выдать организацию (что само по себе было не подтверждено).

Сам Ставрогин совершал поступки, которые с точки зрения общепринятой морали обычному человеку могут показаться странными и неестественными. Чего стоит одна женитьба на хромой Марье Тимофеевне, которая совершилась из-за спора, или призыв Федьке Каторжному «еще укради и убей» в ответ на рассказ Федьки о его деятельности в городе. Это не говоря уже о том, что он мучил и Лизавету Николаевну, и Дарью Павловну, и жену Шатова, походя оскорбил чиновника, протащив его за нос и пр. Ставрогин как персонаж, который одновременно и вдохновляет многих, и каким-то странным образом отсутствует в романе (все вокруг него, но он словно бы *отчужден* от происходящего), может быть назван главным «бесом». И не только потому, что идеи и мысли остальных персонажей по большей части сконцентрированы вокруг него²⁶, но также и потому,

²⁴ Некоторые философы, такие как Т.Г. Масарик, упрекают Достоевского в неискренности. Масарик, в частности, пишет о том, что Достоевский проповедовал в своих произведениях православию и веру в Бога, в то время как сам не верил в него или верил не до конца. Однако для человека, который прошел через смертельный приговор, каторгу, смерть двоих детей и периодические припадки эпилепсии, сомнения в существовании Бога кажутся нам естественными и не требующими извинения: так или иначе, в такой ситуации задумаешься о том, существует ли Бог и почему он заставляет тебя проходить через такие трудности. Возможно именно это и позволило Достоевскому настолько глубоко проникнуть в проблему веры в Бога.

²⁵ А в главе, которая так и не вошла в роман из-за цензуры, мы читаем исповедь Ставрогина, в которой он рассказывает о насилии над девочкой.

²⁶ Удивительно, какое влияние на других персонажей оказывает Ставрогин! Он словно бы холоден и безучастен, но при этом Шатов его чуть ли не боготворил, Верховенский-младший называл Иваном Царевичем, который *необходим* организации, Кириллов относился к нему с явным уважением, Дарья Павловна была готова поехать за ним в темные места и провести там остаток жизни, Лизавета Николаевна ради Ставрогина предала саму себя и Маврикия Николаевича, Мари Шатова бросила ради него мужа. Ставрогин – персонаж поистине гипнотический и

что именно Ставрогин является крайним выражением богоборчества – это Ставрогин признает свою веру в дьявола, это Ставрогин играет роль, представляя Тихону свою исповедь (а ведь исповедь – это таинство и здесь оно нарушено!). И это из уст Ставрогина мы слышим те самые незаметные фразы, которые поражают своей чудовищностью. Как пишет сам Достоевский: «Я хотел поставить вопрос и, сколько возможно, яснее, в форме романа дать на него ответ: каким образом в нашем переходном и удивительном современном обществе возможны – не Нечаев, а Нечаевы и каким образом может случиться, что эти Нечаевы набирают себе под конец нечаевцев?»²⁷. «В моем романе *Бесы* я попытался изобразить те многообразные и разнообразные мотивы, по которым даже чистейшие сердцем и простодушнейшие люди могут быть привлечены к совершению такого же злодеяния. Вот в том-то и ужас, что у нас можно сделать самый пакостный и мерзкий поступок, не будучи вовсе иногда мерзавцем...»²⁸.

Это, на наш взгляд, и является наиболее значимым для демонстрации революции у Достоевского. Пророчество заключается не в том, чтобы предсказать конкретные события или описать в романе конкретные исторические личности, но в том, чтобы показать: когда вершится революция, люди открывают в себе способность к таким поступкам, которые бы в любое другое время осудили, о собственной предрасположенности к совершению которых даже не помышляли. *Бесы*, в таком случае, не только демонстрируют социальные явления (например, группировку «Наши» и их деятельность), но соединяют в себе также и тему духовной революции. В конце концов, революция сперва совершается в головах и сердцах людей – и лишь затем выплескивается в мир поступков.

гипнотизм этот обладает неким демоническим, бесовским флером. И Варвара Петровна, конечно же, сконцентрирована мыслями на сыне, но она мать и это объяснимо. Других же Ставрогин притягивает как магнит: одних из-за своего обаяния, идей и власти, других – из-за нанесенных оскорблений. И тех, и других, тем не менее, притягивает с одинаковой силой.

²⁷ Достоевский Ф.М. *Дневник писателя*. М., 2013. С. 93.

²⁸ Там же. С. 94.